

В целом в начале новой экономической политики в Сибири социальные интересы населения получили более широкое отражение в управленческой политике новой власти. Развивалась частная торговля, несколько улучшилось за счет этого снабжение городов продовольствием и крестьян товарами.

Вчерашние партизаны, красные командиры, политработники учились управлять регионом в новых мирных условиях, во много раз для них более сложных, чем период непосредственных боевых действий. Они были крайне возмущены наступлением нэпманов, шикарными магазинами и ресторанами, где с них требовали огромные деньги. Те самые, которые они собирались отменить. Часто эти руководители срывались на военные методы руководства. Да и Сибревком оставался чрезвычайным органом, для которого интересы центра были выше интересов сибиряков.

УДК 271.2(571.51)

М.В. Сентябова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРИХОДОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 40-е – 70-е гг. XX века

Автор представляет материалы исследования, посвященного вопросам существования православных религиозных организаций на территории Красноярского края в 40-х – 70-е гг. XX в. в условиях жесткого контроля со стороны советской власти. На региональном материале раскрываются проявления этого процесса адаптации – изменение социального и возрастного состава прихожан и приходского духовенства, трансформация духовной и общественной жизни прихода, распространение внецерковных религиозных практик. Дается характеристика жизни православных приходов в Красноярском крае к началу 1980-х гг.

Ключевые слова: история религии в XX веке, Русская православная церковь, церковь и государство, Красноярский край.

M.V. Sentyabova

EVERYDAY LIFE IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH CURACIES IN KRASNOYARSK REGION IN THE 40th – 70th YEARS OF THE XXth CENTURY

The author gives the research data that is devoted to the issues of the orthodox religious organization existence on the Krasnoyarsk region territory in the 40th – 70th years of the XXth century in the conditions of close control on the part of Soviet power. Demonstrations of this adaptation process that are change in the social and age category of the parishioners and parish clergy, transformation of the spiritual and social life of the curacies, spread of the churchless religious practices, are shown on the basis of the regional data. Orthodox curacy life characteristics in Krasnoyarsk region to the beginning of the 1980th years are given.

Key words: religion history in the XXth century, Russian Orthodox Church, church and state, Krasnoyarsk region.

На протяжении 1940-х – 1970-х гг. Русская православная церковь в СССР существовала в условиях жесткого контроля со стороны государственной власти. Идеологическая основа Советского государства предполагала отсутствие в обществе религиозных отношений. Это вызывало двойственное положение Русской православной церкви в Советском Союзе: признавая церковь как социальный институт, государство в то же время стремилось всячески ограничить её деятельность, принуждая православные религиозные организации видоизменяться, реагируя на условия враждебной атеистической среды. Изменения эти, затрагивающие все стороны существования церковного организма, серьёзно отражались на состоянии приходских общин Православной церкви. Можно выделить несколько этапов эволюции приходской жизни, каждый из которых отличался своими особенностями взаимоотношений как внутри прихода, так и между религиозной общиной и окружающим светским миром.

Первый из этих этапов представляется логичным связать с серединой 1940-х – концом 1950-х гг. – периодом восстановления церковной структуры и выстраивания её в зависимости от прямого воздействия государственных органов. Во время массовых антирелигиозных кампаний, характерных для Советского Союза 1920–1930-х гг., главным направлением государственной религиозной политики являлось стремление к закрытию церквей и преимущественно «добровольно-принудительному» роспуску приходских общин, члены которых подвергались гонениям и репрессиям. Однако в 1940-е гг. в связи с изменением взаимоотношений государства и религиозных организаций в условиях жизни приходских общин также происходят существенные перемены. К середине 1948 г. в Красноярском крае было официально зарегистрировано 20 православных приходов, из которых 8 размещались в городах (2 – в Красноярске) и 12 – в сельской местности. Массовое возобновление деятельности распущенных ранее религиозных общин побуждало к постановке вопроса об осуществлении духовного и канонического руководства вновь открытыми приходами. В Красноярском крае эта проблема стояла остро: за время борьбы с религией 1930-х гг. большинство православных священнослужителей бывшей Енисейской епархии были репрессированы, удалены за пределы края или выведены «за штат». Единственным источником для замещения вакантных мест настоятелей церквей и диаконов становятся священнослужители, отбывавшие ссылку на территории Красноярского края, а также священники, находящиеся на покое. Из 21 служителя церкви, зарегистрированного уполномоченным СД РПЦ по Красноярскому краю к апрелю 1946 г., 19 человек были в возрасте старше шестидесяти лет. Так, благочинному православных церквей по Красноярскому краю Николаю Попову было 69 лет. Невысоким являлся и средний уровень образования красноярского духовенства: 6 человек имели средне специальное духовное образование, а 15 – только низшее духовное, т.е. окончили духовные училища или пастырские курсы. Отчасти можно согласиться с мнением уполномоченного СД РПЦ по Красноярскому краю, утверждавшему, что «большинство священников – старики, невежественные и малограмотные» [1].

В этом отношении приходские священники Красноярской епархии не сильно отличались от своей паствы. По данным, приведенным в отчетах уполномоченного СД РПЦ по Красноярскому краю П.Т. Гусева, за 1946 и 1948 г. активность в деле возрождения жизни приходов проявляли в основном пожилые женщины, колхозницы и домохозяйки, т.е. люди, чей возраст и образ жизни не предполагал наличие высокого уровня образования [2]. В таких условиях авторитет священнослужителя, более образованного и умудренного опытом, в жизни прихода часто становился определяющим. Да и церковная дисциплина предписывала главенствующую роль в приходе именно настоятелю [3, с. 353].

Управление религиозными общинами Православной церкви в Красноярском крае в 1940–1950-е гг. осуществляли люди, чье духовно-нравственное формирование проходило в основном в дореволюционные годы, а отношение к советской власти определилось во время репрессий 1920–1930-х гг. Типичной чертой биографий священнослужителей Красноярской епархии являлись факты их ареста или ссылки. Например, из 35 служителей Церкви в январе 1949 г. 24 человека имели «судимость по разным статьям уголовного кодекса, но большинство по статье 58–10» [4]. Для сравнения: в 1948 г. имели в биографии факт ареста либо судимости 46% всех служителей Русской православной церкви Советского Союза, а в Сибири эта цифра в первые послевоенные годы, по оценке А. В. Горбатова, доходила до 75–80% [5, с. 46; 6; с. 141]. Бывали и случаи, когда священническую службу в храме нес человек, в этот момент отбывающий ссылку [7, с. 100].

В подобных условиях характерным качеством умонастроений большей части приходского духовенства и мирян было достаточно враждебное отношение к религиозной политике Советского государства. Некоторое ослабление антирелигиозного нажима со стороны государства вкупе с демократическим импульсом, наблюдаемым в советском обществе после Великой Отечественной войны, приводили к достаточной свободе в высказывании подобных мнений и в обращении в советские органы с разного рода требованиями и заявлениями. Так, в 1944–1946 гг. уполномоченные СД РПЦ фиксировали следующие действия и высказывания священнослужителей и мирян:

Священник Канской церкви Б. «при осмотре здания церкви, переоборудование, сделанное в ней, назвал вандализмом». В проповедях «допускал клеветнические выпады против комсомола, вроде того, что комсомолки люди испорченные, истаскаются и будут старухами, не доживя 30 лет». Настоятель одной из красноярских церквей П. «поставил вопрос о том, чтобы перенести репродуктор, установленный на площади им. Сурикова близ церкви, мотивируя тем, что радиодинамик мешает проведению службы».

Бывший церковный староста С. «выступил с клеветой на органы советской власти, ведущие по его мнению борьбу против религии» [8; 9, с. 298].

И подобных примеров можно привести ещё множество. В то же время многих представителей духовенства, пострадавших в прошлые годы от советской власти, опасения новых репрессий подталкивали к

публичному высказыванию благодарностей Советскому правительству, превозношению роли социалистического строя, компартии и советских вождей. Так, один их красноярских священнослужителей С. в своих послевоенных проповедях отмечал «главную роль СССР в разгроме фашизма и спасении человечества от порабощения, указал на большие материальные и человеческие жертвы, понесенные нами и призвал верующих к напряжению сил к восстановлению хозяйства и молиться за погибших во имя славы и свободы нашей Родины». Тот же С. на банкете в честь юбилея архиерейского служения Красноярского епископа провозглашал тосты «в честь тов. Сталина и Патриарха Алексия»[10]. По все видимости, такая позиция должна была принести священнослужителю поддержку не только властей, но и патриотично настроенных советских граждан.

Трудно судить, были подобные высказывания выражением личной позиции священнослужителя или они вызывались опасениями быть обвиненными в нелояльности власти. Ясно одно: откровенное выражение негативного отношения к религиозной политике властей расценивалось как «антисоветское поведение» и потому каралось. Например, уже упоминаемый нами священник Б. в 1946 г. был «через архиепископа и благочинного... отстранен от службы в Канской церкви и снят с регистрации» [9, с. 298]. Складывающаяся ситуация, когда ради сохранения своего служения, прихода, а иногда и свободы человек был вынужден делать и говорить то, что противоречило его личным взглядам и воззрениям, естественно, негативно сказывалась на его моральном состоянии.

Антирелигиозная кампания конца 1950 – рубежа 1960-х гг., обычно связываемая с именем первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, только подогрела ситуацию. Антирелигиозные действия властей, сопровождающиеся мощным пропагандистским натиском, проявлялись во всемерном сокращении всех сторон жизни церковного организма: уменьшении количества действующих приходов, стремлении к насильственному снижению числа прихожан и количества проводимых религиозных обрядов, всяческому урезанию церковных прав и свобод. Но в то же время на территории Сибири и конкретно Красноярского края эффективность мер, предпринимаемых властями, несколько отличалась от общесоюзной ситуации.

Наиболее «плодотворными» в этом плане следует признать действия уполномоченного СД РПЦ и краевых властей в области сокращения количества православных храмов – за 1958–1964 гг. их число в крае уменьшается до 11, причем сокращение происходит исключительно за счет сельских приходов. В некоторых случаях, когда прямо закрыть или снять с регистрации приход не представлялось возможным, проводилась работа по переносу церковного здания на окраины населенного пункта. Так, в 1958 – 1964 гг. были изъяты у верующих и переданы местным городским властям церковные здания, находящиеся в центрах крупных городов, – Покровская церковь в Красноярске и Спасский собор в г. Канске. Верующим и священнослужителям этих храмов было предложено перенести богослужения в церковные здания на кладбища, причем, если приход Покровской церкви для этого имел в пользовании здание Троицкой церкви на городском кладбище, то прихожанам Спасского собора было предложено построить новую церковь на свои средства. Похожие попытки предпринимались и в отношении Спасского собора в г. Минусинске и Успенской церкви г. Енисейске [6, с. 181, 192; 11, с. 39; 12, с. 104]. В данном случае в качестве объекта антирелигиозных гонений выступали не только православные общества, но и сами церковные здания. Храм, находящийся в центре города, уже самим своим видом указывал местным органам власти на их «недоработки» в идеологической сфере

Ещё одним из важных аспектов хрущевских антирелигиозных гонений можно назвать репрессии в отношении духовенства. В 1958 г. был арестован, а после осужден и приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях благочинный православных церквей Красноярского края протоиерей Е.И. Насекайло, до этого известный в Красноярской епархии прежде всего своей заботой о состоянии храмов. Характерно, что арест благочинного случился вскоре после начала инициированного им капитального ремонта Покровской церкви г. Красноярска, а формальным поводом к репрессиям послужило обвинение в использовании ворованных стройматериалов [7, с. 102]. Целью гонений становились не просто священнослужители, а священники, ведущие активную деятельность по благоустройству церкви или распространению вероучения. Соответственно, у служителей церкви, ограничивающих круг своих забот исключительно рамками прихода, шанс сохранить место своего служения был гораздо выше. Подобная репрессивная политика могла и сплотить верующих: в условиях достаточно жесткого давления со стороны государства единение прихожан вокруг священнослужителя часто представлялось единственным способом выжить всей общине.

В 1961 г., после принятия Архиерейским собором нового «Положения об управлении Русской православной церкви» [13, с. 34], ситуация начала изменяться, что позволяет нам говорить о начале нового этапа в эволюции церковно-приходской жизни, который продлился до начала 1980-х гг. Особенностью этого

периода можно назвать трансформацию взаимоотношений священника со своим приходом, происходившую в условиях неофициального, но всё возрастающего контроля со стороны уполномоченных СД РПЦ/СДР на местах.

В ходе «перестройки управления церковью» начала 1960-х гг. священнослужитель по своему положению в приходе с юридической точки зрения был поставлен в положение наемного работника, исполняющего религиозные требы и получающего за это денежное содержание из доходной части приходского бюджета. Введение в 1962 г. твердых окладов служителям церкви взамен применявшейся прежде практики выплаты содержания клира из денег, полученных в качестве оплаты за совершение треб, определило зависимость финансового благосостояния священников от исполнительных органов прихода – поскольку именно они определяли размер «зарплаты».

Кроме того, по имеющимся у нас сведениям, прихожане часто обеспечивали священнослужителей жильем: например, по свидетельству Г. Фаста, в 1960–1970-х гг. настоятель Успенской церкви г. Енисейска проживал в пристройке к храму и даже держал в церковной ограде кур и свиней [12, с. 110–111]. К началу 1960-х гг. притчовые дома имелись у православных общин Канска, Абакана, Ужура и т.д. Были даже случаи, когда прихожане обеспечивали священников предметами быта из вещей, официально являющихся собственностью прихода [14]. Естественно, подобная «натуральная помощь» была для служителей церкви очень важна, ведь официальные налоги фактически съедали большую часть их доходов [15, с. 99–100]. Однако тот факт, что приход фактически брал на себя часть расходов священнослужителей, ещё больше ставил священника в зависимость от ожиданий и умонастроений прихожан.

Большую важность этот факт приобретает с учетом того, что после 1961 г. существенно была упрощена процедура смены настоятеля по желанию прихожан. Фактически, для того чтобы удалить священника из прихода, достаточно было решения исполнительного органа либо приходского собрания о расторжении «трудового договора», после чего уполномоченный снимал данного служителя церкви с регистрации. Уполномоченный СДР в случае конфликтов между священником и прихожанами всегда вставал на сторону прихода, а часто – и сам провоцировал эти конфликты. На протяжении всего периода 1960-х – первой половины 1980-х гг. в деятельности уполномоченных СД РПЦ (с 1965 г. – СДР) прослеживается стремление добиться, чтобы к управлению в приходах пришли «хоть верующие, но советские люди» [16], что позволило бы власти без проблем убирать «неудобных» священнослужителей и контролировать приходскую жизнь, низводя её до «терпимого» уровня.

Итогом такого положения дел явилась частая смена священнослужителей, отмечаемая в некоторых приходах Красноярского края. Если сравнить списки приходского духовенства края за 1966 и 1973 гг., то можно найти только четыре фамилии, встречающиеся в обоих документах, причем из этих четырех священников два поменяли место службы и два – сохранили свои приходы. Изменение состава духовенства нельзя связать только с естественными причинами, поскольку из 14 священников, покинувших в эти годы Красноярский край, 8 человек были младше тех, кто сохранил свои приходы [17].

В таких условиях, естественно, священнослужитель оказывался в состоянии своего рода зависимости от прихожан, поскольку был вынужден выстраивать своё поведение так, чтобы не навлечь на себя гнев наиболее активной части верующих.

Однако ситуация с частой сменой священников в приходских церквях имела и обратную сторону. В условиях уже упоминавшегося кадрового голода – в 1965 г. – в Советском Союзе на 7523 православных храма и 19 монастырей приходилось 7410 лиц зарегистрированного духовенства [18, с. 57] – священнослужители, отстраненные от службы в приходе, как правило, переводились епископом в другой приход, часто – в пределах Красноярского края. Например, священник М.Я. Штонь в конце 1960-х – 1970-х гг. сменил по меньшей мере 4 церкви только на территории края [19; 12, с. 111]. В свою очередь, такое передвижение священнослужителей внутри большой территории Западной Сибири и Красноярского края – области, находящейся под управлением Новосибирского архиепископа, – приводило к относительному сохранению единства «духовного сословия».

К 1966 г. в крае насчитывалось 18 служителей церкви, из них 15 священников и 3 диакона. По сравнению с 1946 г. сильно выросло количество молодежи – 8 священников и 2 диакона были младше 40 лет, и всего 3 священника имели возраст старше 60 лет. Однако образовательный уровень служителей церкви изменился гораздо меньше: только 3 священника имели высшее духовное образование, вообще не имели духовного образования 6 человек [17].

К 1976 г. ситуация почти не изменилась: из 16 священников младше 40 были 7 человек, старше 60 – 3 человека. Образовательный уровень духовенства тоже остался прежним – 7 священников и все диаконы не имели духовного образования [20]. По сравнению с 1946 г. мы можем говорить о фактической смене

поколений, приведшей к омоложению состава священнослужителей, однако проблема нехватки квалифицированных священников по-прежнему оставалась очень острой, что, в свою очередь, негативно сказывалось на приходской жизни. Как свидетельствует протоиерей Г. Фаст, в 1960–1970-е гг. «духовное учительство падает до самого низкого уровня. Проповеди просто зачитываются из журналов, а зачастую вовсе отсутствуют. Почти полностью исчезает единственно верное незыблемое правило крещения полным погружением, в большинстве случаев остается только общая исповедь без конкретного исповедания грехов и т.д.». В некоторых приходах из-за недостатка церковнослужителей работу псаломщиков, чтецов и даже алтарников исполняли прихожанки – практика, в Русской Православной Церкви доселе считавшаяся неканонической [12, с. 103, 133].

При этом стоит отметить, что приходскую общину, в отличие от священнослужителей, перемены затронули в гораздо меньшей степени. За 1948 – 1974 гг. число членов «двадцаток» в Красноярском крае сократилось с 436 до 305, но в основном за счет уменьшения числа действующих церквей. Соотношение мужчин и женщин в приходских собраниях изменилось в сторону увеличения женского присутствия – к 1974 г среди членов «двадцаток» насчитывалось 83,6% женщин и 16,4% мужчин. Относительно стабильным остается и возраст прихожан: подавляющее большинство членов прихода составляли люди пожилые – 58,7%. Велика была и доля неработающих граждан – 35,7% иждивенцев. Можно согласиться с мнением Г. Фаста, указывающим, что в 1960-х – 1970-х гг. «велико обмирщение церкви. Приток молодежи в церковь прекратился. Храмы в основном посещаются пожилыми женщинами» [12, с. 103].

Такое состояние церкви постепенно сближало её с тем образом, что рисовала советская пропаганда, что, естественно, не могло привлечь в храм новых верующих. А начавшиеся в 1960-х гг. постоянные попытки властей если не закрыть действующие храмы, то убрать их из центров городов, в очередной раз выталкивало верующих на «задворки» общественной жизни.

В то же время усилия уполномоченных СДР по внедрению в состав приходских общин и исполнительных органов церковью людей, лояльных к советской власти, о которой говорилось в выше, приносили и неожиданные плоды. В 1970-е гг. прихожане активно «обращаются в органы власти за содействием, если они видят беспорядок в религиозном обществе» [21]. Известны и случаи, когда в храмах на постоянной основе работали неверующие люди, или когда члены исполнительных органов церковью участвовали в городских общественных организациях [22]. Факт большого числа обращений к уполномоченному по поводу тех или иных вопросов, связанных с функционированием прихода, можно рассматривать не только как результат большого влияния советских органов на прихожан, но и как своеобразное отражение общей практики граждан Советского государства обращаться в «вышестоящие инстанции» для решения мелких проблем повседневной жизни.

Однако стоит учитывать, что хотя советские власти в лице уполномоченных СДР могли косвенно влиять на состояние прихода, добиваясь выдвижения на те или иные должности в исполнительном органе церкви угодных им кандидатур, это влияние было достаточно ограниченным. Члены исполнительных органов и ревизионных комиссий в большинстве своём были верующие люди, заинтересованные в полноценной жизни прихода.

Уже отмечавшаяся стабильность половозрастного и профессионального состава членов «двадцаток» свидетельствует о наличии серьёзных консервативных тенденций в этой области – за более чем 25 лет приход фактически не изменился. Консервация социального состава прихода приводила к консервации умонастроений прихожан. Всё большее значение приобретает обрядовая сторона православия, складывается ситуация, когда «самым важным становится вопрос, какой именно рукой вы ставите свечку перед иконой» [23, с. 93]. Постоянный рост «обрядоверия», преувеличение значения ничем не примечательных мелких элементов богослужения становится характерной чертой церковной жизни 1960–1970-х гг.

Развитие этой тенденции в конечном итоге приводило к возрастанию «замкнутости» приходской жизни. Постепенно происходит «отчуждение общества от Церкви» [12, с. 103]. В условиях постоянного негласного контроля со стороны государства приходы с большим трудом принимали в своё число новых членов: «новый человек» в храме воспринимался как потенциальный носитель угрозы, способный навредить, «донести» уполномоченному и т.д.

«Закрытость» прихода могла выражаться по-разному, в зависимости и от религиозного общества и от деятельности священнослужителя. В некоторых случаях она проявлялась в обеспечении жизнедеятельности храма руками самих членов «двадцатки» и близких к ним прихожан. Так, в списке штатных работников Спасской церкви г. Канска за 1980 г. перечислены 21 человек, из которых 2 имели возраст меньше 30 лет и являлись при этом семейной парой. 8 человек находились в возрастных границах от 30 до 60, остальные же

были старше 60 лет, а некоторые – как, например, уборщик алтаря – и старше 80. Интересно, что в списке работников церкви указаны 8 женщин, занимающих должность сторожа-кочегара, но только одна из них была моложе 30 лет, а остальные являлись пенсионерками. Похожие явления можно наблюдать и в других церковных обществах [24].

Другим свидетельством «закрытости» прихода от «внешнего воздействия» можно назвать увеличение роли монашествующих в религиозном обществе. В некоторых приходах, особенно там, где священнослужитель пользовался очень большим авторитетом, преданность церкви и православной вере приводила прихожан и прихожанок на путь монашеского пострига. Однако ввиду отсутствия на территории Красноярского края монастырей, монашествующие не «удалялись от мира», а продолжали жить «в миру», нести послушание в приходе и даже быть членами исполнительных органов. Такой своеобразный «монастырь» наблюдался, например, в Троицкой церкви г. Красноярска. Здесь за 1960-е – 1970-е гг. монашеский постриг приняли не менее 15 прихожанок [25]. Руководил своеобразной нелегальной женской общиной благочинный церковью Красноярского края и настоятель Троицкой церкви архимандрит Нифонт, сам с 1957 года являющийся иеромонахом. Данные уполномоченного СДР по Красноярскому краю, а также воспоминания прихожан, посещавших Троицкую церковь в конце 1970-х – начале 1980-х гг., демонстрируют достаточно большую работу, осуществляемую приходом и настоятелем для сохранения церкви: в 1970-х гг. здесь проводился ремонт, велись духовные беседы с прихожанами [7, с. 126–133]. Естественно, духовная сплоченность религиозного общества, поддерживаемая авторитетом настоятеля и монастырской дисциплиной, существенно помогала в делах, особенно в случаях конфликтов между приходской общиной и советскими органами власти в лице уполномоченного СДР по Красноярскому краю. Так, в 1983 г. уполномоченный В.И. Броневиц сетовал, что в Троицкой церкви «исполнительный орган оказался под влиянием фанатично настроенных монахинь», а потому необходимо проводить мероприятия по «оздоровлению обстановки» в приходе [26].

Похожие тенденции наблюдались не только в религиозной общине, сформированной вокруг красноярского Троицкого храма. Тот же уполномоченный в 1985 г. указывает, что в Красноярском крае «монашеские элементы практически действуют при каждой православной церкви» [7, с. 127]. В условиях советского режима это был ещё один фактор «выживания» церкви. Но распространение монашеских традиций на внутреннюю жизнь приходов имело и негативные последствия. Закрытость «от мира», высокая роль духовника, аскеза постепенно начинают претворяться в приходской практике, изначально их не предусматривающей. В условиях достаточно невысокого уровня образования значительной части прихожан именно священнослужитель и монашествующие представляли перед остальными прихожанами в качестве некоего образца православного поведения не только в храме, но и в жизни. Механическое перенесение правил и норм монастырской жизни на жизнь мирскую вызывало формирование особого мировоззрения, включающего в себя высокую роль обрядовой стороны православного учения, полное подчинение всех сторон жизни человека церковной дисциплине и постепенное отречение его от активной деятельности вне храмовой ограды.

Процесс постепенного «закрывания» прихода окончательно оформляется к началу 1980-х гг. Происходящая на протяжении 1960–1970-х гг. смена священнослужителей приводит к тому, что к духовному учительству в храмах приходят люди, чье духовное и нравственное формирование происходило в годы «развитого социализма 1960–1970-х гг. Так, к началу 1984 г. из 20 священников Красноярского края 10 были моложе 40 лет, 9 имели возраст от 40 до 50 лет и 1 – старше 60 (благочинному Нифонту шел 64-й год). Моложе 40 лет были и все 4 диакона. Значительная доля молодых священнослужителей – 4 священника и 3 диакона – получили духовное воспитание в стенах храмов края и были посвящены в сан в конце 1970-х – начале 1980-х гг. [26].

С одной стороны, как указывал уполномоченный СДР, это свидетельствовало, что «православные церкви не испытывают дефицита в служителях культа». Несмотря на то что часто священник и большая часть прихожан относились к разным поколениям, конфликта мировоззрений между ними не возникало. Священнослужитель, подготовленный и обучавшийся в приходе, для паствы был «своим». Он прекрасно понимал и разделял её нужды и чаянья, страхи и опасения. В то же время, будучи человеком советской эпохи, такой священник более успешно, чем его предшественники, мог сосуществовать с советскими органами – поскольку сам вырос в условиях контроля государства над церковью и, даже при негативном отношении к этому контролю, мог поддерживать видимость лояльного отношения к советской власти. Это правило работало далеко не всегда, и в начале 1980-х гг. известны случаи преследований со стороны власти членов духовенства Красноярского края, «слишком активных» в деле служения церкви [12, с. 114–113], однако такие факты всё-таки оставались единичными.

Главным итогом исследуемого периода для жизни приходов Русской Православной Церкви явилось формирование достаточно закрытой религиозной общины, обладающей некоторой способностью к самовоспроизведению. Процесс выстраивания границ между верующими и неверующими гражданами Советского Союза в 1940–1980-е гг. фактически был обоюдным. С одной стороны, советские и партийные органы, активно ведущие атеистическую пропаганду, постоянно стремились «создать атмосферу общественного осуждения нарушителей советских законов» [21], к которым, в зависимости от обстоятельств, мог быть отнесен практически любой верующий человек. Православные религиозные общества в качестве защитной реакции от такой политики избирали тактику всё большей замкнутости прихода от «посторонних людей».

Однако эта «закрытость» приходской жизни, помогающая православной общине выжить в условиях антирелигиозных гонений, имела и негативную сторону. Консервация духовной жизни, ограничение её приходской оградой вызывали существенные сложности с распространением православного вероучения за пределами храма. Результатом такого положения дел оказывается всё возрастающее отчуждение общества от Церкви, которое во многих аспектах деятельности Русской православной церкви продолжает сохраняться и до сегодняшнего дня.

Литература

1. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 89.
2. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 89. Л. 18, 31; Д. 103. Л. 2, 18, 31.
3. Положение об управлении Русской православной церковью // Русская православная церковь в советское время (1917–1991): мат-лы и док. по истории отношений между государством и церковью / Сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995. – Кн. 1.
4. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 103. Л. 41.
5. *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь в 1943 – 1957 годах // Вопросы истории – 1995. – №8.
6. *Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008.
7. *Малашин Г.В.* Судьба Церкви – в судьбе храма: очерки по истории красноярского Свято-Троицкого собора. – Красноярск: Изд. дом «Восточная Сибирь»; Изд.-полиграф. комплекс «Платина», 2008.
8. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 69. Л. 4; Д. 89. Л. 40; Д. 103. Л. 19;
9. О деятельности православной церкви в крае». Информация уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР в крайком ВКП(б) // Красноярский край в истории Отечества: хрестоматия для учащихся старших классов. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во. – 2000. – Кн. III. 1941–1953.
10. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 103. Л. 21–22.
11. *Фирсанкова Л.И.* Канск православный: краеведческие очерки. – Красноярск: Изд-во ООО «Версо», 2006.
12. *Фаст Г.* Енисейск православный: очерк. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994.
13. Решения Архиерейского собора. 18.7.1961 // Русская православная церковь в советское время (1917 – 1991): мат-лы и док. по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер.– М.: Пропилеи, 1995. – Кн. 2.
14. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9, 11 50 – 50об; Д. 45. Л. 39.
15. Постановление Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. № 2584 «О порядке обложения налогами граждан, получающих доходы от религиозных органов, а также предприятий этих органов» // Законодательство о религиозных культах. – М.: Юрид. лит, 1969.
16. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 145. Л. 4–5.
17. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 177. Л. 8; Д. 47. Л. 43.
18. *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь в 1958–1964 годах // Вопросы истории. – 1999. – №2.
19. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 47. Л. 43. Д. 48. Л. 60 – 61. Д. 49. Л. 61, 84.
20. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 49. Л. 61.
21. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 46. Л. 23, 32.
22. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 43. Л. 41.
23. *Бессмертный А.Р., Филатов С.Б.* Парадоксы советского благочестия // Религия и демократия: на пути к свободе совести.– М.: Прогресс-культура, 1993. – Вып. II.
24. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 19. Л. 94; Д. 22. Л. 98.